

Н.Д. ЛИГОСТАЕВА

СПОРТ В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ ВЛАСТИ

В статье представлены результаты теоретического исследования, в фокусе которого – анализ соотношения концептов «власть дискурса», «дискурс власти», «спортивный дискурс». Спорт исследуется как универсальная идеология политического (властного) дискурса в контексте влияния на сознание людей и сообществ.

Ключевые слова: *дискурс власти, власть дискурса, спортивный дискурс, универсальная идеология*

Лигостаева Наталья Дмитриевна – очный аспирант кафедры философии, Самарская государственная областная академия (Наяновой). E-mail: ligostaeva2013@mail.ru

N.D. LIGOSTAEVA

SPORT IN THE IDEOLOGICAL DISCOURSES OF POWER

The article presents the results of a theoretical study, in the focus of which is the analysis of the relationship between the concepts of «power of discourse», «discourse of power», and «sports discourse». Sport is explored as a universal ideology of political (power) discourse in the context of influence on the consciousness of people and communities.

Keywords: *discourse of power, power of discourse, sports discourse, universal ideology*

Natalia D. Ligostaeva – postgraduate student at the Department of Philosophy, Samara State Regional Academy (Nayanova). E-mail: ligostaeva2013@mail.ru

Сегодня мало кто будет спорить с тем, что современный спорт представляет собой не исключительно соревновательный процесс. Будучи сложным многомерным явлением, он вбирает в себя политические, экономические, правовые, медийные и целый ряд других аспектов, всё активнее включаясь в процесс глобализации. Спорт как социокультурный феномен имеет значимую ценность для политики и политиков, использующих его в качестве эффективного инструмента воздействия на электорат во внутренней политике, и как средство государственного самоутверждения – в международной.

Цель настоящего исследования – проанализировать и соотнести концепты «дискурс власти» и «спортивный дискурс». В обобщённом смысле дискурс – это коммуникативное событие, возникающее между говорящим и слушающим в ходе коммуникативного действия в условиях определённого временного, пространственного и других контекстах. Лингвистический поворот в философии, произошедший в начале XX века, не только обогатил гуманитаристику новыми предметными областями – знак, значение, смысл, речь, язык, языковая личность, языковое сознание, дискурс, но и сделал очевидным представление о том, что наш способ общения является не только отражением мира, идентичности и социальных взаимоотношений, но в то же время активно участвует в процессе его создания

и изменения. В самой трактовке дискурса происходит сдвиг последовательности речевых актов к пониманию дискурса как сложного коммуникативного действия, сложного иерархизированного знания, подразумевающего не только текст или высказывание, но ещё и знание контекста, установок говорящего и реципиента, системы ценностей, целей адресата [1].

Взяв за основу идеи М. Фуко, можно сказать, что в широком смысле дискурс – всегда инструмент власти и сама власть. В более узком, прагматическом значении власть как политический институт использует те или иные институциональные дискурсы, согласно В.И. Карасику, выступающие в качестве общения в установленных границах статусно-ролевых отношений [3]. Взаимодействие же языка и власти отражается в двух основных аспектах: 1) то, как власть осмысливается, концептуализируется языком (власть как концепт); 2) то, как власть проявляется в языке (власть как дискурсивная категория) [7].

Дискурс власти как семиотическая система связан с демонстрацией реалий и символов, выражающих полномочия субъекта власти и его социальный статус. Внешней формой такой демонстрации является использование униформы в полиции, армии и других государственных структурах, а также целый ряд символов – от короны и скипетра до орденов и медалей. К фундаментальным проявлени-

ям дискурса власти относятся программы партий, социально-экономические реформы и другие важные факторы и формы деятельности субъектов политики.

Проблемы осуществления политической власти и её приёмы, технологии со времён Платона и Аристотеля, констатации статуса человека как «животного политического», рассматривались на протяжении столетий многими философами и учёными. Можно увидеть взаимосвязи дискурса власти и власти дискурса уже на самых архаических стадиях.

В период эпохи Просвещения, которая во многом совпадала с ранними этапами развития индустриальной цивилизации, наблюдается возникновение целого «пакета» философских учений, среди которых в качестве наиболее значимых выступают разновидности философии сознания. В это время дискурс власти в контексте философии сознания начинает рассматриваться как своеобразная вторичная реальность, производная от власти дискурса, от разумного общественного договора, от деятельности сознания и достижений науки, рационального мировоззрения.

На протяжении всего XX столетия власть дискурса стремительно укрепляет свои позиции, становясь неизбежным и ключевым политическим инструментом, что в свою очередь приводит к её несомненному господству. В современном информационном обществе все «силовые акции» и попытки управлять современными сообществами с помощью насилия обречены, как минимум, на неэффективность. Ещё Наполеон сказал, что с помощью армии и штыков можно захватить власть, но «сидеть на штыках невозможно».

Важно заметить, что в период становления информационного общества наблюдается ещё одна тенденция, связанная с иллюзией упразднения идеологии, за которой прячется истинное господство идеологического медиамифа. Происходит виртуализация мира политики средствами массмедиа и приспособление его к потребностям современного человека. Для становления политической идентичности и для сплочения политического пространства нации требовалось дать массам что-либо взамен реальной политики, идеологизация здесь – привычный социокогнитивный процесс [1].

Одним из таких доминантных для политического дискурса «неполитических» концептов является концепт спорта. Его репрезентация в рамках политического и тесно связанного с ним спортивно-

идеологического дискурсов сегодня как никогда частотна. Это само по себе является важной чертой современной политической и идеологической картины мира. Репрезентация такой ментальной единицы в названном типе дискурса во многом влияет на представление граждан своей страны не только об идеалах и политических ценностях той или иной партии, политики или политического движения, но и на содержание в сознании массового адресата таких базовых концептов политической картины мира, как «государство», «держава», «патриотизм», «национальная идея и самосознание», «национальная культура» [5].

Как утверждает В.Р. Мангутова, в рамках спортивного дискурса в роли клиентов выступают те индивидуумы, которые обращаются к институту спорта для того, чтобы получить те или иные выгоды (например, политические деятели, учёные, медицинские работники, рекламодатели, педагоги и т.д.). В свою очередь агентами спортивного дискурса являются социальные группы, имеющие разветвлённую специализацию и иерархическую систему её членов. «Разветвлённой специализацией основной группы участников (спортсмен-тренер-судья) является наличие большого количества различных видов спорта. Специализация представлена зимними и летними видами спорта, личными и командными» [6].

По мнению А.Б. Зильберта, институциональные дискурсы способны пересекаться и накладываться друг на друга. Поскольку спортивный дискурс является достаточно «открытым», для него указанная специфика особенно характерна [2]. Так, сближение политического и спортивного дискурса возможно благодаря моменту агональности, т.е. состязательности, но уже не собственно в соревновательно-спортивной сфере, а в идеологической. Как известно, в основе политического дискурса лежит постоянный диалог-поединок, разгорающийся между «партией власти» и оппозицией, в рамках которого противники нередко находятся в состоянии нападения друг на друга, обороны, отражения ударов. Согласно А.Б. Зильберту, в нашем сознании мы имеем единое когнитивное пространство, которое объединяет различные особенности спортивного, политического и военного дискурсов. Их общее когнитивное поле включает такие важные категории как, присутствие противника, противостояние соперников, этика и правила поединка, стратегия и тактика борьбы, победа, проигрыш, выигрыш и т.д. [2].

По мнению Е.Г. Малышевой, спорт представляет собой яркий пример универсальной идеологии. В данном случае под термином «универсальная идеология» следует понимать такой тип идеологием, который актуализирован в рамках идеологической картины мира и не зависит от общественно-политического строя и воззрений политической элиты. В то же время сама семантика универсальных идеологием, а также характерный для них аксиологический модус находятся в состоянии корреляции относительно господствующей в тот или иной период «системы ценностей» и политических и идеологических представлений определённых носителей языка, в том числе представителей правящей партии [4]. По мнению исследователя, приобретение концептом «спорт» статуса подобной универсальной идеологии произошло в рамках советской политической и идеологической картины мира и в соответствующих типах дискурсов. Именно в период советской эпохи в семантической структуре исследуемого феномена стали актуализироваться и репрезентироваться в текстовом пространстве СМИ концептуальные признаки спорта как феномена патриотизма и политической состоятельности государства.

Начиная с послевоенного времени, когда Советский Союз присоединился к участию в международных спортивных состязаниях, руководство государства осознало то, каким действенным идеологическим и политическим оружием может стать спортивная борьба. В сознании масс именно в эпоху советской власти заложено представление о том, что спортивная борьба на международной арене «больше, чем спорт», это продолжение политической борьбы Советского Союза с государствами-антиподами. В средствах массовой информации и спортивно-идеологическом дискурсе всех стран спортивные баталии социалистической и капиталистических стран представлялись «как борьба свободного западного мира с социалистической системой».

После крушения двухполярной системы в мире установился качественно новый порядок, характеризующийся существованием одного глобального гегемона и возникновением однополярной геополитической модели. Перестала быть значимой всеобъемлющая политизация спорта для мирового политикума, а актуальность спортивного инструментария ушла с повестки дня.

Несмотря на явную взаимосвязь таких сфер общественной жизни, как спорт и

политика, в конце 90-х гг. прошлого столетия эти два явления перестали восприниматься как напрямую связанные между собой. В качестве одной из основных причин выступило желание международных спортивных организаций и ряда ведущих функционеров этой области разъединить, прежде всего, в публично-информационном пространстве данные явления, а также создать иллюзию видимости автономности спорта относительно политики и идеологического контекста.

Первые заметные изменения в данном аспекте стали наблюдаться в конце первого десятилетия XXI в., когда мировому сообществу стал очевиден явный кризис однополярной модели мира. Ряд экспертов назвали «Холодной войной lite» новое политическое и экономическое противостояние со странами Запада, в которое вступила Россия. В этой геополитической реальности стали неизбежны трансформация в области политизации, а также использование спорта в качестве инструмента политической борьбы уже на принципиально новом уровне с новыми технологиями распространения информации и возможностями создания виртуальной информационной реальности, значимость которых в массовом сознании может превалировать над объективной картиной мира [3].

Важно заметить, что во внутренней жизни России семантическая оппозиция «прошлое»/«настоящее», эксплицирующая в нынешнем политическом и идеологическом дискурсах, как правило, негативное отношение к ряду общественно-экономических и социальных аспектов эпохи Советского Союза, удивительным образом нивелируется, когда речь заходит о спорте. Более того, для семантической структуры частного концепта «советский спорт» в большей степени характерны положительно маркированные оценочные характеристики. Подобные ностальгические настроения относительно «советского» прошлого спорта свидетельствуют о возрастающей в обществе потребности к возрождению объединяющей роли спорта, демонстрации силы и могущества государства на политической арене посредством спортивных достижений.

Одновременно с этим категория «спорт» продолжает выступать в качестве одного из действенных политических инструментов не только на международной арене, но и в рамках внутренней политики. Именно отношение к спорту является одной из возможностей демонстра-

ции политического лидера как «человека из народа», которому дорого то же самое, что и всем гражданам России.

Проведённый российскими исследователями А.П. Чудиновым и Е.Г. Малышевой лингвокультурологический анализ особенностей функционирования идеологемы «спорт» в ныне существующих в политическом и спортивно-идеологическом дискурсах наглядно продемонстрировал процесс возвращения ко многим идеологическим константам советского периода в современной российской действительности.

В данном случае речь идёт, прежде всего, о ситуации, связанной с реактуализацией таких когнитивных признаков в структуре концепта «спорт», как «показатель силы», «политическая борьба иными средствами», «проявление патриотизма», которые в настоящее время востребованы как в рамках идеологической картины мира, так и в сознании преобладающей части носителей языка вне зависимости от общественно-политических ориентаций. В качестве иллюстрации описываемого процесса выступает также выделение в структуре частного концепта «спортсмен» когнитивного признака, который был характерен для советской идеологической картины мира, – «активный и передовой представитель молодёжи», «пример для подражания» и его частотной экспликации в современном спортивно-идеологическом, а также в рекламном, массово-информационном, развлекательном и других видах дискурсов.

В настоящее время немногие согласятся оспорить тот факт, что спорт оказывается гораздо более способным организовать политическое участие, симпатии и пристрастия масс населения. Он предоставляет необходимую для идентичности дихотомию: мы – они. Весь спорт теперь сконцентрировался в этом политическом противостоянии. Всё это приводит к тому, что культ тела и страсть к победе отодвигаются на задний план стремлением к ощущению единства. При этом речь идёт не о единстве спортсменов, а о

единстве страны, переживающей спорт как медийное явление.

Таким образом, в настоящее время идеологическая и политическая составляющая концепта «спорт» как никогда актуальна, поскольку спорт стал частью политических программ партий, политических движений разного направления, превратился в фактор политического развития, национальную политику и даже в национальную идею.

В чрезвычайной степени идеологизированный в период существования Советского Союза, концепт «спорт» сегодня представляет собой одну из ключевых идеологем постсоветской идеологической картины мира, что, в свою очередь, репрезентировано в пространстве современного политического и спортивно-идеологического дискурсов. Кроме того, наблюдаемая сегодня российская общественно-политическая ситуация даёт нам возможность предположить, что роль идеологемы «спорт», а также степень её влияния на массовое сознание будет только возрастать.

Список литературы

1. Бакшутова Е.В. Философствование в культурных практиках российской интеллигенции: концептуализация, идеологизация, дискурсивное конструирование. Дисс. ... докт. филос. наук 24.00.01. – Саранск: МГУ им. Н.П. Огарёва, 2016. – 502 с.
2. Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2001. – Вып. 19. – С. 103-112.
3. Карасик В.И. О типах дискурса. – URL: <http://www.rus-lang.com>
4. Левин Е.А. Ассимиляция спорта и политики в современном мире // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2015. – № 6(96). – С. 123-126.
5. Малышева Е.Г. Универсальная идеологема «спорт»: этнокультурная специфика // Политическая лингвистика. – 2010. – № 3. – С. 163-170.
6. Мангутова В.Р. Спортивный дискурс и его участники. – URL: <http://www.acis.vis.ru>
7. Шейгал Е.И. Власть как концепт и категория дискурса // Эссе о социальной власти языка. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 57.